

© 1994 г.

В.Н. ШЕВЧЕНКО

ОФИЦИАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ ПОТЕРПЕЛ НЕУДАЧУ В РОССИИ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Российской академии управления.

Кризис отечественной философии приобрел сегодня глубокий и затяжной характер. Как только советской общественности во времена, названные гласностью, была предоставлена свобода слова, она принялась критиковать главные недостатки диалектического и исторического материализма — догматизм и цитатничество. Эта критика быстро переросла в тотальное отрицание всей советской философии — философии марксизма-ленинизма.

Многие расхождения между западными и российскими учеными в современных оценках исторических судеб марксизма в XX веке связаны по-видимому, с принципиальной ролью, сыгранной Марксом и его учением («аутентичным» марксизмом, первомаксизмом) в жизни России, по сравнению со всеми странами Запада.

Для современного западного ученого независимо от его личных взглядов философия марксизма выступает одним из важных направлений в развитии философской мысли. За ней обычно признается прочный статус академического учения. Вместе с тем она имеет и выходы на практическую жизнь, конкретную политическую борьбу.

В России существовала совсем другая ситуация. В течение 70 лет вся страна и каждый человек должны были строить свою жизнь согласно учению Маркса — Ленина. Такова была, но крайней мере, официальная установка государства, доходившая до каждой клеточки социального организма. Поэтому в наши дни нет действительно более жгучего вопроса для всех слоев общества, чем вопрос о последствиях переноса философско-социальной концепции Маркса на российскую почву: почему получены в итоге такие неутешительные результаты? Лишь ответив на этот вопрос, мы сможем наметить хотя бы самые общие перспективы развития философской мысли в стране.

В советском обществе идеология компартии окончательно превращается во второй половине 20-х годов в официальную, государственную идеологию, не терпящую рядом с собой никаких других. Теоретическим обоснованием идеологии партии как единственно верного и подлинно научного учения явилась философия Маркса. «Как в свое время

гегельянство было официальной философией прусской монархии, и Гегель гордился тем, что его теория — не беспредметное умствование, а государственное дело, также и в наше время марксизм стал официальной философией пролетарского государства» [1].

Наделение философии государственными функциями самым негативным образом сказалось на ее содержании и дальнейшем развитии. Такой подход настолько противоречит изначальной природе философского знания, что можно говорить о закономерном перерождении советской философии, ее превращении в сложившихся условиях в служанку идеологического отдела партии.

Особенно пострадала от идеологического диктата учебная литература по философии, по которой «проходили» философию в учебных заведениях целый ряд поколений советских людей. Это обстоятельство привело к появлению в сознании общества во многом ущербного представления о социальной роли и назначении философии, ее подлинной истории.

Но наибольшие потери за годы существования административно-командной системы в СССР понесла философия общества (именуемая сегодня социальной философией), т.е. тот раздел философского знания, предметом которого выступают закономерности развития общества, отношения между человеком и обществом. «Советский истмат» явился на деле искусно построенной идеологической конструкцией, далекой от схватывания подлинной природы общественной реальности, и в частности, сущностной специфики российского общества.

Разумеется, перерождение философии не было полным. Творческая деятельность любого ученого, в том числе и философа, не может быть поставлена под тотальный идеологический контроль в отличие от организационных форм его деятельности. Поэтому в самой советской философии на протяжении десятилетий сосуществовали и боролись, как-то уживаясь между собой, две философии в рамках единой, большой науки — государственная наука (псевдофилософия) и нормальная наука (философия). Под наукой здесь понимается не более чем занятие профессиональной творческой деятельностью, аналогичное занятию, к примеру, физикой, математикой, историей.

Отличительными чертами псевдофилософии выступали комментаторство и примитивный догматизм. Отбор дозволенного из работ классиков марксизма к комментаторству, как впрочем и строгое дозирование того, что называется Истиной, Добром, Красотой, осуществлялось идеологическим руководством партии. Оно твердо знало, что есть истина или добро, а что таковым не является.

Наверное нет особой необходимости доказывать, что государственная псевдофилософия прочно доминировала в том, что называлось в обществе современной советской философской мыслью. Однако вопреки жесткому идеологическому контролю подлинная философская наука в СССР дала немало ценных исследований.

В настоящее время, когда господство партийно-государственной идеологии окончилось, со всей остротой встал вопрос о дальнейшей судьбе марксистской философии в нашей стране, да и не только в ней. О том, насколько полярными оказались здесь точки зрения, можно судить по материалам одной из самых представительных дискуссий о марксизме, состоявшейся в России в последние годы [2].

Сегодня стало ясно одно. Отечественная философия перестала быть простой служанкой партийной идеологии, какой бы благородной и гуманной она ни выставляла себя перед обществом по свои целям и даже средствам. Социальная философия всегда выступает в роли критика существующего строя. Конечно же, философия во всем мире, тем более в нашем, российском обществе, не застрахована навсегда от посягательств на ее независимую мысль со стороны власти, политиков, различных массовых движений. Философ вправе занимать определенную политическую позицию, отдавать себя на службу близкой ему политической программы. Но этого не должно случаться со всей философией в демократически устроенной стране.

Да, необходимо отстаивать теперь в России идею философского плюрализма как норму интеллектуальной жизни. Но говорить, что философия Маркса должна занять свое место в спектре различных философских школ и направлений, означает просто ломиться в открытую дверь. Сегодня для нашей страны суть проблемы состоит не просто в утверждении идеи плюрализма, хотя есть ретивые партийные перевертыши и оборотни, требующие ныне официального запрета марксизма как якобы кровавого и антигуманного учения. Так в чем же суть проблемы?

Философские школы и направления возникают и развиваются в тесной связи с историческим процессом развития общества, они выявляют в каждый данный момент

наиболее глубокие, наиболее скрытые черты и особенности времени. Философия, есть духовная квинтэссенция времени, самосознание эпохи. Вместе с тем, философия выступает и наиболее полным выражением национального самосознания. Поэтому во всех развитых странах, особенно в критические, переломные эпохи, имеет место настоящая потребность в новом, более глубоко осмыслении переживаемой эпохи именно сквозь призму духовной культуры страны, ее национальных и исторических традиций. Эта потребность в нахождении философского решения задач, поставленных эпохой перед конкретным обществом, становится очевидностью и декларируется повсеместно. Впрочем, ответы на вызов эпохи нередко приходят с опозданием.

К примеру, прагматизм явился национальной философией США, имевшей широчайшее распространение в мире в конце XIX — первых десятилетиях XX веков, но вместе с тем выразившей с удивительной полнотой всемирно-исторический смысл и значение определенного этапа в развитии западной капиталистической цивилизации. Маркс в свое время назвал философию Канта немецкой теорией французской революции. Так что современное отношение к Марксу и марксизму может быть выявлено вовсе не в ходе словесных дуэлей по поводу того, в чем конкретно оказался прав или неправ Маркс. Эпоха бросает новой России колоссальной важности вызов, и только в контексте философского ответа на этот вызов откроется перед нами, россиянами, новый критерий оценки теоретических взглядов Маркса.

Как только проблема отношения к Марксу переводится в эту плоскость, сразу же выступает наружу, на мой взгляд, неустранимая амбивалентность, нашего отношения к нему. Одно дело — универсализм философской концепции Маркса. Другое — его социальная теория, которая в своем главном содержании плохо стыкуется с историческим опытом российского общества, с его культурой и многовековыми традициями и жизненными принципами.

Универсализм марксовской философии есть выражение сущности становящейся мировой цивилизации, хотя он изначально европоцентричен. Маркс создал на основе идеи практики, общественно-исторического характера практической деятельности людей теорию полной реализации грандиозного гуманистического проекта, возникшего в лоне Возрожденческой и Просветительской мысли, всей новоевропейской культуры.

Гуманизм социально-философской теории Маркса выражен прежде всего в той систематической и последовательной критике, которой она подвергает западную капиталистическую цивилизацию. Маркс стремится найти и обосновать возможность существования такой посткапиталистической, по уровню развития, социальной организации общества, когда на смену экономической детерминации его развития, на смену отчуждению человека от власти и собственности придет детерминация развития общества культурой. Другими словами, когда развитие общества будет определяться потребностями самого человека, его стремлением к самореализации, к предметному воплощению своих родовых сущностных сил. Люди будут свободно создавать формы общения между собой соответственно их представлениям и взглядам. Теория коммуникативного действия Хабермаса имеет свои корни в «Немецкой идеологии» К. Маркса.

Все это можно было бы принять при условии, если Россия составляет часть западной цивилизации. Увы, Россия никогда не была Западом. Нельзя в этой связи не сказать, что возникновение раннекапиталистического общественного строя в Западной Европе в XVI—XVII веках явилось одновременно и возникновением принципиально нового типа цивилизационного развития. С этой точки зрения западная цивилизация уникальна.

В России на протяжении нескольких столетий, по крайней мере, начиная с Петра I, протекал сложный процесс синтеза двух типов цивилизационного развития. Недаром Н.А. Бердяев говорил о России как о христианском Востоке. К началу XX века этот процесс не только был далек от завершения, но к тому же все явственнее обнаруживал свою тупиковость. Россия, оставаясь глубоко традиционным обществом, вступила после 1861 г. на путь крайне форсированного капиталистического развития, что диктовалось несомненно внешними обстоятельствами. Страна стала являть собой пример крайне неорганичного, «разорванного» типа развития. Столкнулись напрямую традиционализм и западничество.

Россия несомненно шла к грандиозным революционным потрясениям, избежать которых было невозможно. Поражение в первой мировой войне и отречение царя от престола привели к полному хаосу и дезинтеграции страны, поставили ее на грань глубочайшей национальной катастрофы, Любая политическая сила в России, которая бы взялась за Объединение страны, наведение в ней элементарного порядка, вынуждена была бы

прибегнуть к грубому насилию. Программы генерала Корнилова и большевиков в 1917 г., с этой точки зрения, не очень сильно отличались друг от друга. Главное в другом.

Отношение теоретиков русского марксизма к классическому марксизму отличалось той особенностью, что практические задачи преобразования общества вынуждали их довольно избирательно подходить к огромному идейному богатству социальной теории Маркса. Исторически ограниченная практика становления российского капитализма, его неоформленность, незрелость и вместе с тем его бесперспективность в тех реальных исторических условиях объективно предопределяли малую содержательность социальной теории российской действительности с позиций классического марксизма. И наконец, необходимость решительных действий в послеоктябрьский период вообще как-то отодвинула в сторону саму проблему познания социальной реальности в России. Все казалось очевидным в ситуации, когда встала практическая задача собирания социального организма в стране фактически заново. А проблема была и проблема непростая.

Известно, что ключевые понятия марксовской формационной теории — классы, буржуазная демократия, базис и надстройка, государство, капитализм, социализм и т.д. — обладают содержанием, взятым из европейской действительности, точнее говоря, из анализа становления и развития капиталистического общественного строя. Поэтому их нельзя непосредственно использовать для анализа тогдашнего российского общества. К тому же указанные и многие другие социальные явления в нем, если и существовали, то в лучшем случае в зародышевом или явно незрелом состоянии. Достаточно сказать, что на Западе буржуазное государство в точном смысле слова, согласно Марксу, есть надстройка над экономическим базисом. В России государство, как и на всем Востоке, выступало и продолжает выступать сегодня главной системообразующей связью в обществе. Его разрушение есть одновременно разрушение всех общественных структур как таковых, всего социума. В России нельзя было трогать государство ни в 1917 г., ни в 1991 г. Точно также обстоит дело и с социализмом. У Маркса социализм есть посткапиталистическое общество, у русских марксистов-большевиков — антикапиталистическое, антитоварное общество.

Марксова идея коммунистического общества имела и продолжает иметь регулятивный, а не конститутивный характер, хотя Маркс и считал, что это будет разумно организованное общество на основе достижений науки. В условиях России она «как-то незаметно» трансформируется в идею полной управляемости из одного центра всем ходом собирания, т.е. фактически общественного развития страны.

Следует признать, что большевики в тех конкретно-исторических условиях спасли страну от полного распада или превращения России в колонию иностранного империализма, спасли, но безумно дорогой ценой. Ценой отказа от важнейших социальных достижений западной капиталистической цивилизации и решительного, почти полного разрыва с прошлым, с накопленным историческим опытом страны. Вот каким оказался на поверку открытый русскими марксистами-большевиками третий путь: вариант «негативного» синтеза двух типов цивилизационного развития — западного и восточного на основе весьма специфического российского варианта социальной теории Маркса.

Этот вариант мог впоследствии преодолеть свои органические пороки, но в конце 20-х годов окончательно победила линия на реализацию в жизнь проекта тотального управления и* социального контроля. Условием ее реализации выступало монопольное господство в обществе жесткой государственной идеологии. Ей и была нужна своя философия — «советский истмат», во многом чисто идеологическая конструкция, задача которой и состояла в обосновании правильности избранной партией модели развития. Об этом выше уже шла речь.

Сегодня над Россией вновь нависла угроза еще одного негативного синтеза V достижений либеральной демократии (главным образом американской) эпохи индустриального капитализма с еще одним отказом от национальных традиций, от несомненных достижений недавнего социалистического прошлого страны. Пока синтез не получается. Но он может получиться, если страна на манер 1917 г. будет развалена до основания. Правда, пока нет той социальной теории, которая явится основой для нового негативного синтеза, и вряд ли ее можно искусственно сконструировать, настолько навязываемый обществу вариант негативного синтеза вновь противоречит всей многовековой истории страны. Впрочем, сегодня в России в большой моде социальная мифология, может она вскоре заменит нам теорию развития? Кто знает.

Марксова социальная теория, даже вобравшая в себя теоретически осмысленный опыт всей современной евроамериканской цивилизации, по моему глубокому убеждению

непосредственно не может помочь разобраться в современной российской действительности. Я не думаю, что Маркс создал универсальную теорию социального развития других цивилизаций, отличных от западной. По этому вопросу, кажется, нет единодушия между учеными Востока и Запада. Но я не склонен недооценивать, а тем более отрицать исключительную значимость марксовской социальной теории. Однако сегодня она начинает выступать и в несколько другой роли. Она представляет собой ту твердую базу, опираясь на которую и сравнивая с которой, ученый может находить механизмы, приводящие в движение другие незападные цивилизации и общества, в том числе и российскую цивилизацию.

На мой взгляд, путь спасения России и вывода ее из кризиса связан с нахождением нового, теперь уже «положительного» варианта синтеза материального Запада и духовного Востока. Им явится вне всякого сомнения евразийство, т.е. понимание России как особой страны — Евразии. Это целый материк, «континент-океан» со своей исторической судьбой и культурой, со своей специфической корпоративной государственностью, демократией и личностью.

Путь к подлинной универсальности социально-философской теории лежит через выявление всего богатства содержания особенных теорий, раскрывающих социальную природу отдельных незападных цивилизаций. В противном случае мы рискуем вновь получить еще одну абстрактно-всеобщую модель, теперь уже несомненно «срисованную» с постиндустриального западного общества, модель, с которой Россия распрощалась недавно и, хотелось бы верить, навсегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Под знаменем марксизма. 1927. ЛИ 0—11. С. 90.
2. Марксизм: pro и contra. М., 1992.